

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340 : 34.01

EDN: XZGBWZ

doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-4

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ДИАЛОГА ПЛАТОНА «ГОСУДАРСТВО»

Павел Леонидович Лихтер

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

lixter@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Вопросы об онтологических основаниях правовых феноменов сохраняют актуальность в юридической науке. Однако предлагаемые сегодня магистральными школами права (экономический анализ, постнеклассическая и антропологическая юриспруденция) варианты ответов не всегда учитывают влияние на правовую реальность таких системообразующих предпосылок, как соразмерность, эстетика, справедливость. После провозглашенного «антропологического поворота» внимание больше сконцентрировано на индивидуальном правосознании, что несет риски субъективизации права. Цель работы – поиск инструментальной методологии для установления детерминированности правовых институтов определенными универсальными предпосылками на основании классических концепций континентальной философии. *Материалы и методы.* Исследуются элементы и признаки правовой реальности, определяющие ее качественное своеобразие. Особое внимание уделяется признаку супервентности как специфическому состоянию взаимозависимости сложных систем права и социальных условий. Рассматривается универсальная категория «справедливость» при формировании государственно-правовых феноменов. При анализе объектов правовой реальности используются системный, диалектический, историко-правовой и другие методы познания. Нормативно-ценностный метод применяется при рассмотрении сущностных предпосылок формирования правовой реальности; с помощью функционального, теоретико-прогностического и формально-юридического методов изучается взаимосвязь правовых явлений и их оснований. *Результаты.* Предложен каталог признаков правовой реальности, позволяющий отграничить ее от так называемого феноменального мира: объективность, абстрактность, целостность, идеальность, ценностная ориентированность и др. На основе выделенных признаков предложены авторское определение правовой реальности, а также пятиуровневая модель с включением в нее идеальных оснований, ценностей, принципов, правового пространства нормативных актов и алгоритмов взаимосвязи перечисленных элементов. *Выводы.* Проведенное исследование позволяет обосновать самостоятельный онтологический статус правовых феноменов. Делается вывод о возможности их разделения на эссенциальные, торсионные и фиктивные. В завершающей части работы обосновывается актуальность теории Платона для преодоления рисков субъективизации права.

Ключевые слова: правовая реальность, предпосылки права, справедливость, супервентность, философия права, Платон, теория эйдосов, правовые феномены, риски субъективизации права

Для цитирования: Лихтер П. Л. Универсальные предпосылки формирования правовой реальности на примере диалога Платона «Государство» // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 4. С. 36–45. doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-4 EDN: XZGBWZ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

UNIVERSAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF LEGAL REALITY: CASE STUDY OF PLATO'S DIALOGUE "REPUBLIC"

Pavel L. Likhter

Penza State University, Penza, Russia

lixter@mail.ru

Abstract. *Background.* The discussions about the ontological foundations of legal phenomena remain relevant in legal science. However, the standpoints adopted today by the main schools of law (economic analysis, post-classical and anthropological jurisprudence) do not always take into account the influence of such system-forming prerequisites as proportionality, aesthetics and justice on legal reality. After the proclaimed "anthropological turn", attention is focused on individual legal awareness, which carries risks of subjectivization of law. The aim of the study is to search for an instruments and methods to establish the determinacy of legal institutions by certain universal prerequisites based on the classical concepts of continental philosophy. *Materials and methods.* At the first stage of the study, the constituent elements and signs of legal reality that determine its qualitative originality are considered. Special attention is paid to the sign of supervenience as a specific state of determinism of complex legal systems and social conditions. The second part of the article examines the universal category of "proportionality" in the formation of state-legal phenomena. When analyzing the objects of legal reality, the systematic, dialectical, historical-legal and other methods of cognition are used. The normative-value method is used when considering the essential prerequisites for the formation of legal reality; with the help of the functional, theoretical-prognostic and formal-legal methods, the interrelation of legal phenomena and their foundations is studied. *Results.* In the course of the study, the essential features of legal reality are proposed, which allow distinguishing it from the so-called phenomenal world: objectivity, abstractness, integrity, ideality, value orientation and others. Based on the selected features, the author gives the definition of legal reality and proposes a five-level model with the inclusion of ideal foundations, values, principles, legal space of normative acts, as well as algorithms for the relationship of the listed elements. *Conclusions.* The conducted study enables substantiating the independent ontological status of legal phenomena. It is concluded that they can be divided into essential, torsion and fictitious. The final part of the article substantiates the relevance of Plato's theory for overcoming the risks of subjectivization of law.

Keywords: legal reality, prerequisites of law, justice, supervenience, philosophy of law, Plato, theory of Forms, legal phenomena, risks of subjectivization of law

For citation: Likhter P.L. Universal prerequisites for the formation of legal reality: case study of Plato's dialogue "Republic". *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2023;11(4):36–45. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-4

Введение. Определение области исследования

Термин «правовая реальность» нередко используется в фундаментальной юриспруденции [1, 2] и отраслевой догматике [3, 4], однако суть его остается не проясненной. Совокупность судебных учреждений, правовых норм, субъектов и объектов правоотношений сама по себе не образует юридическую действительность с точки зрения онтологии права. Требуется определить существенные признаки, которые позволят отграничить элементы правовой реальности от других многообразных проявлений окружающего мира.

В правоприменительной практике обусловленность правовых феноменов объективными предпосылками можно проследить через смысловые связки: «объективная необходимость», «объективная обусловленность», «объективные основания». Их нередко используют при анализе специфики объектов гражданских правоотношений [5], изменений в социальной, технологической или экономической сферах [6]. В том числе высшие суды России ссылаются на объективные условия возникновения юридических фактов¹ или «объективные пределы воспрепятствованию реализации прав»². Однако отсутствие фундаментального теоретического обоснования корректного использования указанных категорий содержит риски терминологической путаницы и искажения правовой реальности. Поэтому требуется более внимательное изучение когерентной связи фактически сложившихся правовых институтов и фундирующих их объективных предпосылок.

Обособление проявлений окружающего мира в понятие «правовая реальность» возможно после установления критериев различения и сущностных признаков составляющих элементов. Во многом эти признаки будут обусловлены концептуальной оптикой исследователя. Представители постнеклассической парадигмы в юриспруденции акцентируют внимание на алгоритмах формирования правовой реальности в индивидуальном сознании [7], сторонники материалистических концепций права отмечают внешние факторы возникновения права [8] и т.д. Однако, хотя эти концепции и могут быть полезными при разрешении ряда догматических вопросов, их недостаточно для понимания правовой реальности как цельной, сложной, разноректорной системы. Представляется полезным привлечение дополнительных ресурсов, среди которых будут онтологические концепции, разработанные Платоном в рамках классической традиции объективного идеализма. Не случайно А. Н. Уайтхед утверждал, что вся европейская философская традиция – не что иное, как заметки на полях Платона [9].

Основной целью настоящего исследования является поиск оптимальной методологии для установления детерминированности объектов правовой реальности определенными универсальными предпосылками, а также возможности структурирования выявленных элементов в контексте политико-правовой теории Платона.

Отдельные задачи исследования состоят:

- 1) в изучении сущностных отличий правовой реальности от «феноменального мира»;
- 2) классификации составных элементов правовой реальности;
- 3) выявлении критериев разграничения элементов правовой реальности и правового пространства;
- 4) рассмотрении универсальной предпосылки права – категории «справедливость» в свете диалога Платона «Государство»;
- 5) поиске теоретических инструментов по распределению эссенциальных, торсионных и фиктивных феноменов права.

Поставленные задачи разрешаются с помощью диалектического, историко-правового, системного, логического, формально-юридического, нормативно-ценностного, сравнительного, структурно-функционального методов.

Отличие правовой реальности от феноменального мира окружающей действительности

Свойства целостности, формальности и объективности требуют исследования правовой реальности как неотъемлемой и нетривиальной части социальной действительности. Если феноменальный мир во многом обусловлен физическими предпосылками, то возникновение права неизбежно детерминировано абстрактными ценностями и идеалами.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2022 г. № 306-ЭС22-4154 по делу № А55-3416/2020 // ЮИС «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации»: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18042022-n-306-es22-4154-po-delu-n-a55-34162020/?ysclid=locihvmzcb228896089> (дата обращения: 14.10.2023).

² По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Шестакина : постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 23-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 21. Ст. 3793.

Помимо ценностной ориентированности, еще одним отличительным свойством правовой реальности будет ее супервентность на идеальных категориях. Данный термин получил распространение в философии сознания при описании зависимости ментальных феноменов от физических оснований [10]. В то же время нет методологических препятствий для использования его при разрешении ряда юридических проблем, которые связаны с зависимостью одной сложной системы (например, каталог прав человека) от другой сложной системы (например, социально-экономическая структура). При этом инструментальным значением обладает следующая формулировка Д. Чалмерса: «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах» [11, с. 55]. Употребление этого термина обладает перспективами, так как помогает более точно установить взаимосвязь двух систем, не прибегая к использованию простой логической связки «если – то».

Несмотря на новизну самого термина «супервентность», вопросы сложной детерминированности правовой реальности, правосознания, материальных и идеальных предпосылок рассматривались правоведами и ранее. Так, В. С. Нерсесянц в 1979 г. следующим образом рассуждает о юридической супервентности (не употребляя этого термина): «На наш взгляд, правовая норма, правовое отношение, правовое сознание и т.д. взаимно коррелятивны, подразумевают друг друга» [12]. Далее ученый отмечает, что неверным было бы трактовать правосознание лишь как следствие и производное от совокупности правовых норм.

С помощью супервентности можно построить методологическое обоснование концепций объективного идеализма, которые противостоят редукционизму в современной юридической науке. Под редукционизмом здесь понимается признание подлинного существования в правовой реальности только объектов, имеющих материальное воплощение (здание суда, книга-конституция и т.п.). Соответственно при анализе, например, сделки купли-продажи дома сторонник объективного идеализма оперирует универсалиями, а не совокупностью физических характеристик товара. Данный подход выглядит предпочтительнее, так как познание любого субъекта имеет дело с абстракциями, не сводимыми к эмпирическому опыту. Хотя представители правового утилитаризма или экономического анализа права не соглашались с подобными суждениями [13], большинство объектов правовой реальности нельзя свести к материальным понятиям. Правовые ценности, принципы, идеалы нельзя оценивать исключительно через материальный эквивалент.

Составляющие элементы правовой реальности

После выделения таких признаков правовой реальности, как абстрактность, целостность, супервентность на универсальных категориях, объективность, идеальность, ценностная ориентированность, важно определить составляющие элементы правовой реальности. У современных теоретиков права к этому вопросу нет единого подхода.

Профессор Г. А. Гаджиев выделяет три основных онтологических элемента права: объекты (вещи), субъекты, правовые отношения [14, с. 10]. Ю. А. Веденеев предлагает следующую схему правовой реальности: на первом этаже – правовые идеи, принципы, ценности; на втором – правовые нормы, институты; на третьем – юридические факты, действия, судебные решения [15, с. 48]. С. С. Алексеев пишет о совокупности позитивных норм, идеологии, правоприменительной практики [16, с. 47].

Постнеклассическая юриспруденция под воспроизводством правовой реальности понимает «...механизм правового регулирования, включающий три стадии: правообразование; институционализация правовой инновации и реализация права» [17]. Сторонники исторической школы права отмечают, что основой юриспруденции является народный дух, который формируется на протяжении длительного периода путем передачи несколькими поколениями духовных предпосылок организации социального взаимодействия¹. Соответственно, в такой перспективе базовой составной частью правовой реальности будет правовая культура.

¹ Savigny Fr. C. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. URL: https://www.gleichsatz.de/bu-t/can/rec/savigny_beruf.html (дата обращения: 25.10.2023).

Другие ученые выделяют феноменологический, структурно-функциональный и элементный подходы при описании правовой реальности [18]. Первый подход предусматривает восприятие субъектом совокупности правовых феноменов как очевидность. Структурно-функциональный акцентирует внимание на системных связях юридической действительности, образующих его целостность. Элементный подход предполагает формирование правовой реальности как совокупности правосознания, правоотношений и учреждений.

Есть мнение, что право – это совокупность юридических текстов: от правовых пословиц (низкая форма юридической картины мира) до разнообразных доктрин (высокая форма) [19]. Однако такой подход противоречит аналитической философской традиции, в рамках которой отрицается возможность использования языка для описания реальности в принципе. Согласно концепции Д. Дэвидсона язык возникает только для коммуникаций. Следует согласиться, что основная функция юридического языка заключается в регулировании общественного взаимодействия. Само право нельзя отождествлять с индивидуальным правосознанием, так как для формирования объектов правовой реальности требуется сознание нескольких участников правоотношений. Юридический текст в данном случае выполняет служебную функцию по обеспечению общего понимания сущностных признаков объектов права. Интерсубъективность юридических конструкций основана на представлении о реальности особого рода, объединяющей дескриптивные и прескриптивные элементы права. Эта реальность может возникнуть и динамически развиваться только во взаимоотношениях нескольких субъектов [20].

Сторонники нормативизма отмечают значимость нормативных актов, санкционированных в надлежащем порядке соответствующими органами государственной власти. Например, Д. Г. Демидов выделяет два основных элемента правовой реальности: юридические документы (федеральные, региональные законы) и юридическая практика применения [21]. Такой «узкий» подход нередко встречается в литературе и обозначается понятием «правовое пространство». Однако отождествлять понятия «правовое пространство» и «правовая реальность» некорректно по следующим причинам. Во-первых, законы могут противоречить ценностям и идеалам, принятым обществом. Во-вторых, без объединяющих универсальных категорий законодательный массив будет внутренне противоречивым и неэффективным. На него могут влиять интересы различных групп и индивидов с различными целями и мотивами. В итоге законодательство может быть обусловлено не категориями справедливости, равенства, достоинства, а антиправовыми целями. Например, законы гитлеровской Германии, устанавливающие дискриминационные ограничения по национальному, расовому, религиозному признакам, не могут быть признаны правом. Соответственно, такое законодательство не может быть составной частью правовой реальности.

На основании изложенного представляется целесообразным выделить следующие элементы правовой реальности: универсальные основания, ценности и идеалы, правовые принципы, нормативные акты, правоотношения, алгоритмы взаимосвязи перечисленных элементов. Соответственно, можно дать следующее определение правовой реальности: это совокупность интерсубъективных феноменов, которые включают в себя правовые принципы, нормы, юридические факты, определяемые универсальными предпосылками, а также их внутренние связи и закономерности развития.

Справедливость как универсальная предпосылка политико-правовых институтов у Платона

Влияние идеальных категорий на формирование правовых институтов можно проследить на примере детерминированности правовых институтов категорией «справедливость». Особенно наглядно это в диалоге Платона «Государство».

В нашей стране название произведения традиционно переводят как «Государство», в то время как англоязычные переводы ориентируются на термин «Republic». Но заслуживает внимания и мнение профессора Д. Л. Кастли о том, что более удачным вариантом перевода греческого слова «Πολιτεία» будет «Конституция» [22, р. 5]. Именно посредством конститу-

ционного акта правовая реальность в пределах национального государства трансформируется в функциональное единство гармоничного сочетания мнения, желания и разума. В целом термин «*Πολιτεία*» можно передать лишь описательно: это форма сосуществования людей на определенной территории, которая определяется универсальными предпосылками, обеспечивающими профессиональное и социокультурное взаимодействие.

Первая книга «Государства» открывается вопросом Сократа к Кефалу о том, не тяготит ли последнего жизнь «на пороге старости» [23, с. 80]. Кефал отвечает, что богатство в этой ситуации – не самое главное: «Кто вел жизнь упорядоченную, тому и старость лишь в меру трудна. А кто не таков, тому, Сократ, и старость, и молодость бывает в тягость» [23, с. 81]. Далее непосредственно ставится вопрос о справедливости в жизни каждого человека на пороге подземного царства Аида. Уходящая жизнь описывается Сократом как совокупность несправедливых поступков, что неизбежно приводит к рассуждениям о справедливости в широком ее понимании. Для понимания сущности справедливости участниками диалога в принципе используются две стратегии:

1) эссенциальная (справедливость сама по себе является ценностью и не требует дополнительного обоснования);

2) функциональная (справедливость ценна своими последствиями для ее носителя).

На начальном этапе в диалоге «Государство» Фрасимах отстаивает мысль о том, что «пригодное сильнейшему – это и есть справедливое» [23, с. 93]. Отказываясь в возможности эссенциальной справедливости, он утверждает, что во всех государствах любая власть формирует правовую реальность в своих собственных интересах: демократы пишут демократические законы, тираны – тиранические, а установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных [23, с. 94].

Сократ пытается доказать внутреннюю противоречивость этого тезиса, а Главкон предлагает объединить позиции Фрасимаха и Сократа, обосновывая естественно-правовую перспективу «справедливости» в духе тезиса о праве как о минимуме морали. Конкретнее, Главкон отстаивает компромиссную версию о том, что справедливость не может быть чисто функциональной или эссенциальной. Власть в любом государстве может отказаться от справедливого управления населением, пока обладает достаточным аппаратом принуждения. В то же время какой-то режим минимальной справедливости может быть предложен для регулирования правоотношений остального населения, если он не затрагивает интересы «верхних десяти тысяч».

Эту компромиссную теорию Главкона можно назвать концепцией фрагментарной справедливости (точнее, фрагментарной несправедливости). Именно на примере всего государства, а не отдельного человека можно доказать базовую неистребимость универсальной идеи справедливости как инструмента социальной стабильности.

Позднее наиболее удачную аргументацию в продолжение этой идеи высказал Аврелий Августин в труде «О граде Божьем»: «...При отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки. ...верно ответил Александру Великому один пойманный пират. Когда царь спросил его, какое право имеет он грабить на море, тот дерзко отвечал: “Такое же, какое и ты: но поскольку я делаю это на небольшом судне, меня называют разбойником; ты же располагаешь огромным флотом, и потому тебя величают императором”» [24, с. 174]. Если обратиться к латинскому оригиналу приведенного фрагмента («*Remota itaque iustitia quid sunt regna nisi magna latrocinia?*»), мы увидим то, что утрачивается в русском переводе, а именно тему отодвинутой (*remota*) справедливости. Это отглагольное прилагательное является производным от слова «неизвестный». Таким образом, по Августину получается, что всякое земное государство – это политическое сообщество «с отодвинутой справедливостью». Он согласен с морским разбойником в том, что между ним и Александром нет принципиальной разницы, так как оба действуют по праву сильного, не заботясь о справедливости.

Возвращаясь к «Государству» Платона, мы видим, что Августин лишь затронул проблему, которая была подробно проанализирована Платоном в споре Сократа с Главконом. Доказывая

приоритет функциональной концепции справедливости перед эссенциальной, Главкон усложняет дискуссию о сущности справедливости за счет феноменалистской перспективы. Он считает крайней степенью несправедливости – не быть, а казаться справедливым без достаточных к тому оснований [23, с. 121]. По мысли Главкона, справедливость напоказ всегда служит прикрытием для скрытой несправедливости.

Эссенциальные и фиктивные элементы правовой реальности с точки зрения объективного идеализма

Для современной юриспруденции эссенциальная и кажимая справедливость соотносятся так же, как прескриптивная (идеальная) теория права с дескриптивной (социологией права). У Платона с его разделением мира вещей и мира идей любое явление или объект материального мира всегда проигрывает своему эйдосу по ту сторону феноменального мира. В такой платонической перспективе современная социология права представляет собой аналитический мониторинг аксиологического разрыва между прескриптивной справедливостью как универсальной ценностью права, с одной стороны, и кажимой справедливостью, целью которой на самом деле являетсякрытие темных дел, с другой стороны.

Во второй книге «Государства» Сократ делает неожиданный поворот и предлагает сначала рассмотреть вопрос о справедливости в масштабе государства, а только затем о справедливости в человеке, найти подобия малого и большего [23, с. 129]. По мысли Сократа, гораздо легче выяснить то, что отличает справедливое государство от несправедливого, чем искать то, чем справедливая жизнь человека отличается от несправедливой.

Первое отличие является формальным. Оно было сформулировано Августином о том, что государство не может формировать правовую реальность до тех пор, пока пребывает в режиме отодвинутой справедливости. Следовательно, в правовых конструкциях должны отражаться такие предпосылки, которые делают невозможным как таковой режим отодвинутой справедливости. Чем дальше объекты правовой реальности отпадают от этого эйдоса, тем больше в них искажений феноменального мира.

При этом следует учитывать, что в свете объективного идеализма феномены обычно отражают ту или иную сущность (эссенцию), но они также могут ее исказить или даже симулировать ее присутствие. Таким образом, все правовые феномены в зависимости от степени отражения в них универсальных предпосылок можно разделить на следующие виды:

1. *Эссенциальные* феномены отражают некую сущность, а именно претендуют на истинное отражение определенных идей, принципов, отношений. Несмотря на то, что эссенциальные правовые феномены могут быть ориентированы на предельно абстрактные ценности, вроде равенства и справедливости, они имеют определяющее значение для прескриптивной теории права.

2. *Торсионные* (искажающие) феномены претендуют на собственную «сущность», но они искажают фундирующие предпосылки. Соответственно, вместо категорий справедливости, соразмерности, эстетики в правовых феноменах отражаются искаженные основания, что может быть обусловлено как неосознанным предубеждением законодателя, так и воплощением противоправных корыстных интересов.

3. Самый большой риск искажения правовой реальности содержат *фиктивные* феномены. Примером фиктивных феноменов служат легитимные по форме правовые акты, представляющие по сути антиправовые формы искажения идеальных предпосылок справедливости, соразмерности, равенства.

Заключение

Проведенное исследование позволило выделить следующие элементы правовой реальности: фундирующие универсальные основания, ценности и идеалы, правовые принципы, нормативные акты, правоотношения, алгоритмы взаимосвязи перечисленных элементов.

Качественное отличие правовой реальности от феноменального мира окружающей действительности обусловлено ее сущностными признаками, такими как абстрактность, реальность, целостность, объективность, идеальность, ценностная ориентированность.

Также отличительным свойством правовой реальности будет ее супервентность на универсальных категориях. Данный термин получил распространение в аналитической философии при описании зависимости ментальных феноменов от физических оснований. Однако использование его при разрешении ряда вопросов онтологии права позволит расширить методологию правовой науки.

С точки зрения классических концепций континентальной философии современная социология права представляет собой аналитический мониторинг разрыва между прескриптивной справедливостью как универсальной ценностью права и фиктивной справедливостью, обусловленной противоправными целями.

В соответствии с объективным идеализмом Платона в правовых конструкциях должны отражаться такие предпосылки, которые делают невозможным режим отодвинутой справедливости. Чем дальше объекты правовой реальности отпадают от этого эйдоса как от предпосылки права, тем больше в них искажений феноменального мира.

Список литературы

1. Берлявский Л. Г., Липчанская И. В. Правовая реальность как категория онтологии права // История государства и права. 2015. № 17. С. 38–43. EDN: [UDSJHR](#)
2. Кондрашев А. А. О правовых и «неправовых» законах: критерии отграничения и российская правовая реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 3–8. EDN: [AQJTFI](#)
3. Цинделиани И. А., Попкова Ж. Г., Васильева Е. Г. Налоговая реконструкция как часть современной правовой реальности // Финансовое право. 2023. № 7. С. 14–22. doi: [10.18572/1813-1220-2023-7-14-22](https://doi.org/10.18572/1813-1220-2023-7-14-22) EDN: [МНМАНИ](#)
4. Лунгу Е. В. Конституционные правоотношения как фактор объективной правовой реальности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 3–6. doi: [10.18572/1812-3767-2020-2-3-6](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-3-6) EDN: [IPQHOO](#)
5. Ульбашев А. Х. Обязательство по обратной реализации из договора поставки // Гражданское право. 2019. № 6. С. 21–24. doi: [10.18572/2070-2140-2019-6-21-24](https://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-6-21-24) EDN: [XSDMCD](#)
6. Кожевина О. В. Влияние цифровых вызовов на управление интеллектуальной собственностью в системе юридического менеджмента корпорации // Юрист. 2022. № 4. С. 16–22. doi: [10.18572/1812-3929-2022-4-16-22](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2022-4-16-22) EDN: [НСYPZE](#)
7. Релятивизм в праве : монография / М. В. Антонов, М. А. Белов, В. Г. Веренич [и др.]. ; ред. И. И. Осветимская, Е. Н. Тонков. СПб. : Алетейя, 2021. 349 с. EDN: [TTIZJP](#)
8. Сырых В. М. Основы материалистической теории права : в 4 т. Т. 1: Объективное право и формы его выражения. М. : Юрлитинформ, 2022. 564 с. EDN: [QOMSAM](#)
9. Whitehead A. N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh During the Session 1927–1928. New York : Macmillan, 1929. 413 p.
10. Дискуссия. Локальная естественная супервентность и причинность / В. В. Васильев, Э. Олсон, Д. Столджар [и др.] // Финиковый компот. 2021. № 16. С. 2–27. doi: [10.24412/2587-9308-2021-16-2-27](https://doi.org/10.24412/2587-9308-2021-16-2-27) EDN: [TLJHFP](#)
11. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М. : Книжный дом «Либроком», 2013. 512 с. EDN: [WABBEV](#)
12. Нерсесянц В. С. Выступление на заседании Круглого стола «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 70–72.
13. Сеницын С. А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 1. С. 47–60. doi: [10.12737/jrl.2022.005](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.005) EDN: [МННСКО](#)
14. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М. : Норма, 2013. 319 с.
15. Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка. М. : Проспект, 2018. 232 с. EDN: [NVQQYI](#)
16. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с. EDN: [RMLYFF](#)

17. Честнов И. Л. Культуральная парадигма юридической науки как ответ на глобальный кризис права // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения : сб. тр. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 г.), СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2017. С. 549–551.

18. Иконникова Г. И., Лященко В. П. Философия права. М. : Гардарики, 2007. 303 с. EDN: [QWPTHF](#)

19. Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // *Lex russica* (Русский закон). 2014. Т. 96, № 6. С. 641–654. EDN: [SFERVT](#)

20. Лихтер П. Л. Супервентность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27, № 2. С. 20–32. doi: [10.12737/jrp.2023.014](https://doi.org/10.12737/jrp.2023.014) EDN: [PSDKHL](#)

21. Демидов Д. Г. Положения Конституции Российской Федерации в контексте правоприменения: к проблеме правовой реальности // *Администратор суда*. 2020. № 4. С. 43–47. EDN: [EOQTXH](#)

22. Kastely J. L. *The Rhetoric of Plato's Republic. Democracy and the Philosophical Problem of Persuasion*. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2015. 280 p. URL: https://books.google.ru/books?id=xRBDCgAAQBAJ&redir_esc=y

23. Платон. Государство. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреческого С. С. Аверинцева [и др.]. М. : Мысль, 1994. 654 с.

24. Аврелий Августин. О граде Божием: Ч. IV; кн. 19–22. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 334 с.

References

1. Berlyavsky L.G., Lipchanskaya I.V. Legal Reality as a Category of the Ontology of Law. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*. 2015;(17):38–43. (In Russ.)

2. Kondrashev A.A. On Legal and "Non-Legal" Laws: Criteria of Delimitation and Russian Legal Reality. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2019;(11):3–8. (In Russ.)

3. Tsindeliani I.A., Popkova Zh.G., Vasilyeva E.G. Tax Reconstruction as a Part of Modern Legal Reality. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2023;(7):14–22. (In Russ.) doi: [10.18572/1813-1220-2023-7-14-22](https://doi.org/10.18572/1813-1220-2023-7-14-22)

4. Lungu E.V. Constitutional Legal Relations as a Factor of Objective Legal Reality. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2020;(2):3–6. (In Russ.) doi: [10.18572/1812-3767-2020-2-3-6](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-3-6)

5. Ulbashev A.H. Obligation to Reverse Implementation from the Supply Contract. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2019;(6):21–24. (In Russ.) doi: [10.18572/2070-2140-2019-6-21-24](https://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-6-21-24)

6. Kozhevina O.V. The impact of Digital Challenges on Intellectual Property Management in the Legal Management System of the Corporation. *Yurist = Lawyer*. 2022;(4):16–22. (In Russ.) doi: [10.18572/1812-3929-2022-4-16-22](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2022-4-16-22)

7. Antonov M.V., Belov M.A., Verenich V.G. *Relyativizm v prave = Relativism in Law*. St. Petersburg: Aleteya, 2021:349. (In Russ.)

8. Syrykh V.M. *Osnovy materialisticheskoy teorii prava = Fundamentals of the Materialistic Theory of Law*. Moscow: Yurlitinform, 2022:564. (In Russ.)

9. Whitehead A.N. *Process and Reality. An Essay in Cosmology. Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh During the Session 1927–1928*. New York: Macmillan, 1929:413.

10. Vasiliev V.V., Olson E., Stoldzhar D. et al. *Discussion. Local Natural Supervenience And Causality*. Finikovyj kompot = Date Compote. 2021;16:2–27. (In Russ.) doi: [10.24412/2587-9308-2021-16-2-27](https://doi.org/10.24412/2587-9308-2021-16-2-27)

11. Chalmers D. *Soznayushchij um. V poiskah fundamental'noj teorii = The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*. Moscow: URSS: Book House "Librocom", 2013:512 (In Russ.)

12. Nersesyants V.S. Speech at the Round table meeting "On understanding Soviet law". *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*. 1979;(7):70–72. (In Russ.)

13. Sinitsyn S.A. Economic Analysis of Law: Opportunities and Limitations, Risks of Absolutization of the Approach. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2022;(1):47–60. (In Russ.). doi: [10.12737/jrl.2022.005](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.005)

14. Gadzhiev G.A. *Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitelnosti) = Ontology of Law (Critical Study of the Legal Concept of Reality)*. Moscow, 2013:319. (In Russ.)

15. Vedenev Yu.A. *Grammatika pravoporyadka = Grammar of Law and Order*. Moscow: Prospect, 2018:232. (In Russ.)
16. Alekseev S.S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya = Law: ABC – Theory – Philosophy: Experience of Complex Research*. Moscow: Statute, 1999:712. (In Russ.)
17. Chestnov I.L. The Cultural Paradigm of Legal Science as a Response to the Global Crisis of Law. *Global'nyy mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego: XVII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya: sb. tr. konf. (g. Sankt-Peterburg, 18–20 maya 2017 g.) = Global World: Systemic Shifts, Challenges and Contours of the Future: XVII International Likhachev Scientific Readings (St. Petersburg, May 18–20, 2017)*. St. Petersburg, 2017:549–551. (In Russ.)
18. Ikonnikova G.I., Lyashenko V.P. *Osnovy filosofii prava = Fundamentals of the Philosophy of Law*. Moscow, 2007:359. (In Russ.)
19. Vedenev Yu.A. The Legal Picture of the World: Between the Proper and the Existent. *Lex russica*. 2014;96(6):641–654. (In Russ.)
20. Likhter P.L. Supervenience of Legal Reality: The Problem of the Ontological Status of Essential and Phenomenal Elements. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;27(2):20–32. (In Russ.) doi: [10.12737/jrp.2023.014](https://doi.org/10.12737/jrp.2023.014)
21. Demidov D.G. Provisions of the Constitution of the Russian Federation in the Context of Law Enforcement: To the Problem of Legal Reality. *Administrator suda = Court Administrator*. 2020;(4):43–47. (In Russ.)
22. Kastely J.L. *The Rhetoric of Plato's Republic. Democracy and the Philosophical Problem of Persuasion*. Chicago, London: The University of Chicago Press. 2015:280. Available at: https://books.google.ru/books?id=xRBDCgAAQBAJ&redir_esc=y
23. Platon. *Gosudarstvo. Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3 = State. Collected works: In 4 Volumes. Vol. 3*. General ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Taho-Godi. Moscow: Mysl, 1994:654. (In Russ.)
24. Avreliy Avgustin. *O grade Bozhiem: Ch. IV; kn. 19–22 = About the City of God. Part IV; Books 19–22*. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2016:334. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

П. Л. Лихтер – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

P.L. Likhter – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Private and Public Law, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 27.10.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.11.2023

Принята к публикации / Accepted 30.11.2023